

9. Allen J. W. A history of political thought in XVI c. — London, 1941.— P. 119.
10. Ibid. — P. 34.
11. Ponet J. Op. cit. — P. 50.
12. Ibid. — P. 42.
13. Ibid. — P. 53.
14. Ibid. — P. 18.
15. Ibidem.
16. Ibid. — P. 54.
17. Ibid. — P. 51.
18. Ibid. — P. 41.
19. Ibid. — P. 93.
20. Ibid. — P. 44.
21. Ibid. — P. 10.
22. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С. 66—
- 91.
23. Yovel Y. Tolerance as Grace and as Right//La tolérance avjourd' hui: Analyses philosophiques. UNESCO Paris, 1993. — P. 113—126.

И. В. НЕМЧЕНКО

ИНДИВИДУАЛИЗМ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА: Т. ГОББС И ТЕОРЕТИКИ ВЛАСТИ DE FACTO

Индивидуализм как этический принцип — детище Ренессанса. Утверждение самостоятельной ценности человеческой личности — вне сословий и корпораций — и ее неограниченных возможностей, потрясающий воображение образ homo universalis — всем этим европейская цивилизация обязана мыслителям и поэтам-гуманистам эпохи Возрождения. В то же время нельзя не заметить, что этика и филология, столь блистательно представленные в произведениях гуманистов, вытеснили на задний план другую сферу интеллектуальной деятельности, имевшую давние и прочные корни в истории европейской общественной мысли — политическую теорию. Разумеется, нельзя утверждать, что гуманисты были безразличны к политике — среди них были государственные деятели и герои-борцы. Однако первый действительно выдающийся политический мыслитель XVI в. Никколо Макиавелли был уже весьма своеобразным гуманистом. Рождающаяся в его трудах политическая философия нового времени не совпадала с этическими требованиями, реальность упорно не укладывалась в рамки желаемого. Гуманисты привнесли в общественное сознание светское рационалистическое видение мира, предоставив преемникам искать в нем место строгим категориям политической науки.

Проникновение индивидуализма в европейскую политическую мысль XVI—XVII вв. — обширная научная проблема, и ее разрешение не может быть целью данной работы. Отметим лишь обстоятельство, наиболее существенное для задач настоящего исследования.

В 40-х гг. XVII в. в Англии появляются политические трактаты, резко выделяющиеся по своему содержанию и методологии на фоне богатой и вполне средневековой политической мысли этой страны. Их автором был 52-летний оди-

покий человек, без титула и состояния, занимавший почтенное, но скромное место домашнего воспитателя в семье барона Кавендиша. Его имя было Томас Гоббс. Немного найдется политических философов в Англии, в Европе и в мире, могущих сравниться с ним по силе и глубине мысли, бесстрашью выводов, по степени воздействия на умы современников и, наконец, по количеству посвященных его творчеству исследований (1). В самом деле, наследие Т. Гоббса настолько неисчерпаемо, что каждое поколение историков английской политической мысли обращается к анализу различных его аспектов. Гоббс поистине отец современной политической науки. Как показывает ряд западных исследований, принцип индивидуализма, чуждый средневековой традиции, был привнесен в английскую политическую мысль именно Гоббсом (2).

Остановимся на этом вопросе в контексте интересующей нас проблемы. Одним из важнейших положений учения Гоббса является принцип равенства всех людей от природы. Выступая против освященного столетиями авторитета Аристотеля, Гоббс четко формулирует в «Левифане»: «Природа создала людей... равными телесно и умственно» (3). С идеей равенства всех людей от природы связана другая — о естественном праве каждого человека. Гоббс пишет, что всякому человеку в равной мере присуще стремление обрести благо и избежать зла для себя. Это врожденные страсти каждого. Самая сильная из страстей — страх насильственной смерти, этого извечного врага человечества, и именно из нее Гоббс выводит естественное право индивидуума. «Первое положение естественного права, — пишет он, — заключается в том, что каждый человек изо всех сил стремится защитить свою жизнь и неприкосновенность». И далее: «...поскольку каждый человек имеет право на самосохранение, его должно также наделить правом использовать все средства и совершать любые поступки, без которых его самосохранение невозможно» (4). В «Левифане» Гоббс наиболее четко формулирует естественное право индивидуума: «Естественное право (*jus naturale*) есть свобода каждого человека использовать свою силу по собственному усмотрению для сохранения своей природы, ...жизни и, следовательно, все, что по своему суждению и разумению он признает наилучшим для того средством» (5).

Другой важнейшей категорией политического учения Гоббса является естественный закон (*lex naturalis*). Естествен-

ный закон — это общее предписание разума, запрещающее человеку делать то, что разрушительно для его жизни и лишает его средств к самосохранению, и пренебрегать тем, что по его мнению, способствует самосохранению более всего (6). Понятия естественного права и естественного закона, таким образом, коренятся в стремлении индивидуума к самосохранению, но различаются по самому своему существу. Это отмечает Гоббс: «Право заключается в свободе делать что-либо или воздержаться, в то время, как закон определяет, обязывает к чему-то одному» (7). Общее предписание разума гласит, что каждый человек должен стремиться к миру, если есть надежда его достичь, когда же мир невозможен, человек волен искать и использовать все средства и преимущества в ведении войны. Требование первого, важнейшего естественного закона, по Гоббсу, — ищи мира и сохраняй его. Последующие естественные законы по своему содержанию подчинены первому. Гоббс подчеркивает, что несоблюдение естественных законов ведет к войне, прозящей человеку гибелью, и, следовательно, «противоречит первому и основному естественному закону, предписывающему людям искать мира» (8). Итак, самосохранение индивидуума — цель, а мир — наилучшее средство для его достижения.

Пока речь идет о естественном праве и естественных законах самих по себе, цель и средство не приходят в противоречие. Однако в каждом из политических произведений Гоббса («Элементы закона», «О гражданстве», «Левифан») вслед за первой частью, где рассматриваются эти категории, следует вторая, посвященная проблемам государства, его возникновения и функционирования. Специальное рассмотрение гоббсовских концепций общественного договора и суверенитета не входит сейчас в наши задачи (9). Попытаемся проследить, что происходит с правом индивидуума на самосохранение, когда он по воле Томаса Гоббса становится членом гражданского общества.

Автора «Левифана» нередко обвиняют в создании модели тоталитарного государства. Учитывая необыкновенную широту полномочий гоббсовского суверена (или государства — эти понятия идентичны), такие утверждения не лишены некоторых оснований. Тем не менее, и пресловутый «меч в руках государства», и беспредельная власть суверена, распространяющаяся даже на имущество и духовную жизнь подданных, оказываются бессильны перед непоколебимым естественным правом каждого человека — правом на жизнь,

на самосохранение. Во имя осуществления этого права заключается общественный договор, по которому люди отказываются от многих других своих прав, данных самой природой. В силу этого властвует могучий левиафан. В противном случае теряется смысл первого и второго, и законопослушные подданные возвращаются в свое естественное состояние.

Справедливости ради отметим, что подобные положения не выступают на передний план в политическом учении государственника Гоббса. Однако они, безусловно, в нем присутствуют. Обратимся к трудам мыслителя. «Назначение суверена, — пишет Гоббс, — будь это одно лицо или собрание лиц, заключается в обеспечении безопасности подданных (10). Долг подданного — подчиняться суверену и не оказывать непослушания. Однако, ни один человек при заключении общественного договора не отказывается от права защиты своей жизни и неприкосновенности в случае, если гражданский закон не может своевременно прийти ему на помощь (11). Более того, ни один закон не может обязать человека пренебречь самосохранением (12). Причем, каждый, согласно своему естественному праву, сам выбирает необходимые средства борьбы и судит, насколько велика опасность (13). Соглашения, обязывающие, не заботиться о своей безопасности, заключаются впустую, они недействительны, т. к. противоречат естественному праву индивидуума. Гоббс приводит в «Левиафане» яркие примеры превосходства естественного права над гражданским. Так, преступник не обязан сознаваться в содеянном, если он не уверен в помиловании, так как ни один договор не может обязать человека обвинять самого себя (14). Если солдат, идущий на войну, дезертирует, но сделает это только из страха, его можно назвать трусом, но не изменником (15).

Вышеизложенное относится к критическим моментам во взаимоотношениях государства и индивидуума. Мысль Гоббса идет дальше и обращается к ситуации, когда не один, а множество людей оказалось в оппозиции власти. «...В случае, если сразу множество людей неправо воспротивились суверену, или совершили какое-нибудь крупное преступление, за которое каждого из них ждет смерть, неужели они не вольны объединиться, помогая и защищая друг друга? Конечно, вольны, ибо они защищают свою жизнь, что равно дозволено виновному и невинному» (16). Восстание несправедливо по своей сути, т. к. противоречит общественному

договору, но доводить начатое до конца — не значит совершать новую несправедливость (17).

Логическим продолжением этого тезиса служит следующий. Гоббс пишет, что если в войне, внешней или внутренней, враг одержал решительную победу, и потерпевшее поражение государство не может более обеспечивать безопасность подданных, каждый человек может защищать себя теми средствами, какие сочтет нужными» (18). Общественный договор расторгается, но может быть опять заключен в случае, если новый правитель способен обеспечить безопасность граждан.

Обращаясь к вопросу о путях возникновения государства, Гоббс выделяет особый их тип — «приобретенные государства». Они образуются, когда люди заключают негласный общественный договор друг с другом из страха перед тем, кого они признают своим правителем, т. е. с узурпатором, завоевателем. Страх, впрочем, присутствует и при мирном избрании суверена (модель «установленного государства»), т. к. в естественном, догосударственном состоянии «войны всех против всех» жизни человека постоянно грозит опасность. Разница между «установленными» и «приобретенными» государствами состоит только в том, что в первом случае люди избирают суверена из страха друг перед другом, а во втором — перед тем, кого они признают своим правителем. «В обоих случаях они делают это из страха... перед смертью или насилем». Иначе ни один человек в каком бы то ни было государстве не мог бы быть обязан повиноваться (19).

Мы попытались проследить одно из направлений в политическом учении Гоббса, наиболее существенное для понимания теории власти «de facto», представленной рядом английских политических мыслителей середины XVII века. Существенно также следующее. Гоббс, как уже упоминалось, обратился к политической теории в весьма зрелом возрасте. В 1640 г. были написаны: «Элементы закона, естественного и политического» (20). Т. О. политическая мысль Гоббса созревала в условиях кризиса стюартовского абсолютизма, до начала вооруженного конфликта между королем и парламентом. Второе его значительное сочинение — «О гражданине» (21) было опубликовано в Париже два года спустя на латинском языке (английский перевод под названием «Philosophical Rudiments concerning Government and Society» увидел свет в 1651 году). Наконец, в 1651 г. в Англии в условиях независимой республики был издан «Левиафан».

Характерной особенностью творчества Гоббса является то, что его политическое учение во всех своих основных чертах сформулировано уже в «Элементах закона». В последующих работах Гоббс оттачивал отдельные положения, но нет оснований говорить о сколько-нибудь существенной эволюции его системы в целом. Создается впечатление, что социальные и военные бури, пронесшиеся над Англией в середине столетия — гражданские войны, свержение монархии, установление республики, — не только не поколебали уверенности Гоббса в справедливости его политической теории, но укрепили ее. Это стало возможным потому, что как в 1640-м, так и в 1651-м годах Гоббс писал не о каких-либо конкретных монархах или правительствах, а о государстве как таковом, исходя из неизменной природы человека, наделенного неотчуждаемым естественным правом на самосохранение. Его политическая система рационалистична и абстрактна, в ней нет места верности династии или даже какой-либо одной политической форме.

Современные критики нередко обвиняли Гоббса в «непрактичности». Но именно эта «непрактичность», отвлеченный характер учения позволяли применять его положения и к стюартовской монархии, и к протекторату Кромвеля, и к любому другому виду государства. Гоббс в свое время сетовал, как трудно пройти невредимым между двух воюющих армий. Ему удалось это сделать, поднявшись над «линией фронта». С высоты теоретического осмысления политических вопросов он разглядел многое из того, что было скрыто для участников политических баталий.

Сегодня не вызывает сомнений сильнейшее влияние идей Гоббса на современников (22). Каждое из разнообразных проявлений этого влияния достойно быть темой отдельного исследования. Обратимся к кругу политических авторов, зачастую не скрывавших своей связи с гоббсовскими идеями, чье творчество не получило достаточного рассмотрения в работах современных исследователей. Это так называемые теоретики власти «de facto» конца 40-х — 50-х гг. XVII в. — Энтони Эшем, Марчмоунт Нидхем, Томас Уайт, Джон Дюрри, Френсис Осборн и некоторые другие (23). Они не были объединены в какой-либо партии или движении, которые во множестве вызвала к жизни Английская революция. Труды их появляются не ранее конца 40-х гг., особенно после казни Карла I и провозглашения республики, которая быстро приобретала черты диктатуры.

Пожалуй, наиболее колоритной фигурой был М. Нидхем (1620—1678), стоявший у истоков английской журналистики. С 1643 г. он выпускник Оксфордского университета, сотрудничает в пропарламентской газете «Mercurius Britannicus» и одновременно учится медицине. В 1650 г. в Лондоне начинает выходить новая газета «Mercurius Politicus», и Нидхем становится ее редактором. На ее страницах он по частям публикует свое наиболее значительное произведение — политический трактат «Дело государства».

Жизненный и политический путь Нидхема извилист. Начав как сторонник парламента, он в 1644 г. призывает к аресту короля, а в 1647 году уже работает в роялистской газете «Mercurius Pragmaticus» и в 1649 г. пишет трактат в защиту Карла I. Отсидев несколько месяцев в тюрьме он готовит «Дело государства в Англии» (1650), где открыто называет себя раскаявшимся роялистом и призывает сограждан следовать своему примеру. Дружит с Джоном Мильтоном, страстным сторонником индепендентской республики, также публикующим свои произведения в газете. Накануне реставрации Стюартов Нидхем оказывается на континенте. Каким-то невероятным образом он получает прощение Карла II и разрешение вернуться в Англию (24). В 1676 г. он — автор трактата, направленного против антикоролевской оппозиции. Остается добавить, что в наиболее смутные периоды жизни Нидхем мудро обращается к врачебной практике и даже посвящает ей особый трактат (1665 г.) (25).

Энтони Эшем (1618—1650) последователен в своих политических пристрастиях. Джентльмен, закончивший Кембриджский университет в 1633 г., он сближается с пресвитерианами, а затем поддерживает сторону индепендентов (26). Член Доллого Парламента. В 1648 г. он издает политический трактат, который более известен под названием, данным его второму изданию 1649 г.: «О беспорядках и революциях власти». Спустя два месяца после казни Карла I им был написан памфлет «Происхождение и цель гражданской власти». Эшем выполняет дипломатические поручения Парламента в Гамбурге летом 1649 г., а в январе 1650 г. он отправился в Мадрид в качестве посла. Его верительные грамоты были подготовлены Мильтоном. На следующий день по прибытии Энтони Эшем был убит в результате заговора роялистской эмиграции.

Таким образом, политические судьбы теоретиков власти de facto весьма различны, связи между ними довольно сла-

бы. Иногда они ссылаются на труды друг друга. Известно, что некоторые были знакомы с Томасом Гоббсом лично. Так, по свидетельству современника, Гоббс, живя в Лондоне, часто посещал Томаса Уайта и даже восхищался им, хотя они постоянно спорили. Френсис Осборн был другом Гоббса (27). Но главное, что дает основания говорить о них как об особом направлении в английской политической мысли середины XVII века, — это содержащаяся в их работах идея подчинения граждан той власти, которая существует.

Казалось бы, эта идея стара, как христианский мир. Необходимость «воздать кесарю кесарево» — общее место средневековой политической философии, в слегка модернизированном виде перекочевавшее в политические трактаты XVI—XVII веков. Лояльность со стороны подданных воспринималась как необходимое условие существования государства, глава которого, в свою очередь, по божественному или естественному закону обязан был заботиться об их благе. В то же время европейская политическая мысль никогда не оставалась равнодушной к вопросу, почему именно необходимо подчинение властям. Апелляции к Священной истории или естественному закону, разнообразные трактовки возникновения государства — все это по духу весьма далеко от идеи подчинения власти просто потому, что она фактически существует. Усилия поколений мыслителей разобраться, почему необходимо подчиняться правителям, сами по себе отрицают такую постановку вопроса.

Кроме того, средневековая и ренессансная политическая мысль содержала сильное противоядие идее слепого подчинения властям. Тиранинборчество, присутствовавшее в европейской традиции как привычный элемент, а иногда вырывающееся на свободу в гневных обличениях порочных правителей, требовало в своей теократической или светской формах «воздать Богу Богово» либо следовать естественному закону скорее, чем повелениям неправого монарха. Пассивное — всегда, а иногда и активное сопротивление следовало оказывать тирану, пренебрегшему своими обязательствами перед Богом или подданными.

В мощном русле европейской традиции политической мысли и в особенности на фоне демократических идей, порожденных Английской революцией, концепция подчинения фактической власти может показаться бледной и даже в чем-то аморальной попыткой ее авторов увязать свои взгляды с политической конъюнктурой. Между тем, идеи такого рода, дей-

ствительно, тесно связанные с реалиями современной им Англии (а можно ли считать это исключительным явлением?), обладали собственной логикой и при ближайшем рассмотрении, оказываются гораздо богаче и рельефнее уготованной им схемой.

Отметим прежде всего, что вопрос о подчинении подданных власти, да и о законности самой этой власти, в конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в. был более чем актуален. В Англии произошли резкие политические перемены. У власти оказалась партия, посягнувшая на вековые устои английской монархии. Карл I Стюарт был казнен, палата Лордов распущена. Англия стала республикой, но диктатура Кромвеля приобретала все более отчетливые очертания.

Ситуация падения старого суверенитета и утверждения нового, столь обстоятельно рассмотренная Гоббсом еще в начале 40-х гг., стала драматической реальностью для миллионов англичан. Далеко не большую их часть составляли сознательные политические борцы. Широкие массы граждан «вне политики» были потрясены, обескуражены невиданными переменами. Между тем, им предписывалось принятие присяги на верность Республике. Вначале это требование распространялось только на ведущих государственных служащих. В октябре 1649 г. круг лиц, подлежащих присяге, был расширен по решению Парламента, а с февраля 1650 г. принятие присяги стало обязательным для всех граждан (28).

По этому вопросу развернулись дебаты. Ведь англичане уже клялись в верности королю, подписывали Ковенант. Обсуждение вопроса о присяге вызвало к жизни большое количество политических произведений, часть которых издавалась анонимно (29). Многие значительные труды теоретиков власти «de facto» возникли в ходе этой полемики как ее составная часть. В связи с этим неслучайно то обстоятельство, что все они обращены к рядовым гражданам, далеким от государственных дел и власти, к «маленькому человеку», наделенному, тем не менее, разумом и совестью. В стремлении обратить своих читателей на сторону Республики авторы берут на вооружение «гоббистскую» аргументацию. При этом, в одних случаях, прямых ссылок на Гоббса нет, а в других он явно присутствует в качестве авторитета, подтверждающего положения пишущего.

Последнее относится к произведению М. Нидхема «Дело государства в Англии». В самом начале Нидхем упоминает

«знающих людей, которые писали на эти темы раньше и, по всей видимости, говорили правду, т. к. не были заинтересованы в наших делах и не были вовлечены в спор» (30) (по вопросу о присяге — И. Н.). В конце же работы в виде приложения опубликован отрывок из трактата Гоббса «Элементы закона», наряду с фрагментом из «Defensio regia» Салмазия.

Трактат перенасыщен примерами из истории Англии, Европы, а также из Священной истории. Исторический пример, подсказанный широкой эрудицией — верный союзник Нидхема, подкрепляющий любой маневр его изобретательного ума. С точки зрения политической теории, трактат содержит два основных положения. Первое — о временном, преходящем характере любого государства, политической формы, династии. «...Наилучшим образом установленные и могущественнейшие государства мира были лишь временны» (31) — пишет Нидхем. Так, древние четыре монархии существовали по 500 лет каждая, затем наступал «фатальный период», и они уходили в небытие. Иногда время существования государства измерялось половиной этого срока, иногда столетием. В таком случае, «не удивительно, что наша английская монархия, достигшая почти 600-летия со времен нормандского завоевания, должна сейчас, согласно общей судьбе всех других государств, отказаться от своих интересов в пользу некоей другой власти, семьи или формы» (32).

В мире, таким образом, царит судьба, которую Нидхем, не слишком углубляясь в суть вопроса, называет также Божественным провидением или фатальной необходимостью. Противостоять этой силе — безумие.

Нидхем небрежен не только в определении сверхчеловеческой силы, распоряжающейся мирскими державами, но и в определении самой смены государственных образований. В названии соответствующего раздела его текста присутствует термин «революция», обозначающий в XVII в., прежде всего, круговорот. Поминается и Платон, впервые в европейской традиции писавший о круговороте политических форм (33). Известно, что идея круговорота, «колеса Фортуны», была достаточно распространена в раннесаиской политической мысли. Но у Нидхема «революции» нет, есть упадок той или иной государственности, достигшей своего «фатального периода» без каких-либо надежд на возвращение ее в будущем.

Обратимся ко второму фундаментальному положению трактата. Кратко оно сформулировано в названии второй его

части: «О том, что власть меча есть и всегда была основанием всех прав на власть». На исторических примерах Нидхем показывает, что насилие, «власть меча», было источником власти как первой монархии (имеется в виду правление библейского царя Нимрода), так и всех последующих государств, немонархических в том числе. Отдадим справедливость автору — в примерах такого рода, действительно, нет недостатка. Одна лишь английская история — до- и посленормандская — предоставляет Нидхему богатый материал. Меч Цезаря, меч саксов, господство датчан, нормандское завоевание, затем убийство Вильгельма Рыжего, борьба между Стефаном и Матильдой, завоевание Ирландии и Уэльса, смещение Эдуарда II и Ричарда II и т. д., наконец, основатель династии Тюдоров Генрих VII, который «пришел с армией и просто силой был сделан королем в армии и армией» (34). «Что до справедливых оснований, их у него не было никаких». Большинство правителей, — полемизирует Нидхем с пресвитерианским священным Эдуардом Ги, — пришло к власти не только без какого-либо «призвания» со стороны подданных, но абсолютно против воли народа. Из 25 королей, которые правили Англией, не более полудюжины получили свою корону по наследству (35). Тем не менее, люди (вся нация) всегда признавали полномочия этих правителей и оказывали им послушание, пока они были у власти. Как глас народа звучит: законно повиноваться тем, кто обладает властью, даже если их право на нее предположительно незаконно и основано на силе (36). Об этом свидетельствует опыт предков, которые так поступали ради сохранения мира (37). Те, кто отказывают новой власти в подчинении из соображений совести, по причине ранее произнесенных присяг, клятв, ковенантов, или ссылаясь на незаконность власти, добытой мечом, — это сварливые люди, упорствующие против разума и обычая всего мира. В глазах закона любой нации это изменники. Если такой человек погибнет, в лучшем случае его признают святым сумасшедших и мучеником дураков (38).

Что касается присяг и клятв, то они даются людьми при определенных обстоятельствах и в определенных политических целях. Если обстоятельства изменились, они не могут оставаться в силе. Нидхем ссылается на авторитет Гуго Гроция: клятва верности, данная магистрату, не связывает более человека, если магистрат перестает быть таковым (39).

Что дает подданному подчинение новой власти? Нидхем

рассматривает этот вопрос «от обратного». III глава его труда называется «О том, что неподчинение государству справедливо лишает людей блага защиты с его стороны». Оказывается, государство защищает подданных в ответ на послушание и дружественность тех, кого оно защищает. В противном случае люди ставят себя в положение врагов государства и законно могут быть наказаны. Это анархисты, разрушающие главную цель пражданского объединения — общественную безопасность. Государство, — ссылается Нидхем на Аристотеля, — обеспечивает правосудие, поощряет добродетель и наказывает порок. Без этого невозможно наслаждаться миром и счастьем (40).

В трактате смутно присутствует и идея общественного договора. Какое бы новое государство не было установлено, оно так же прочно *de jure*, как если бы имел место договор всех людей страны (41).

Не удивительно, что Нидхему для подтверждения своей правоты потребовалась апелляция к Гоббсу. Как можно было убедиться, некоторые его утверждения перекликаются с теоретическими положениями мыслителя. Но они односторонне и плоско восприняты. Создается впечатление, что Нидхем относится к Гоббсу примерно так же, как к самой Английской республике — прагматически. Поддерживая победивший режим, Нидхем использует вырванные из контекста и тем самым лишённые глубины положения для достижения поставленной цели. У Гоббса на первом месте — неотчуждаемое естественное право человека. Нидхему же важно доказать, что иарубийца Кромвель не менее достоин подчинения граждан, чем все его предшественники у кормила власти.

Джон Дюри, как и М. Нидхем, — участник противостояния по вопросу о присяге. В 1650 г. он издаёт два небольших по объёму трактата, в которых спорит с анонимными противниками ее подписания (42). Автор набожный и благочестивый, Дюри стремится освободить совесть подданных от угрызений в связи с ранее произнесенными клятвами и Ковенантами. Присяги приносятся в определенных обстоятельствах и на определенных условиях (Дюри склонен видеть в присяге род общественного договора, при котором обе стороны — подданные и правитель — берут на себя ряд обязательств). Нет уже короля и Палаты Лордов, следовательно, все клятвы, данные им, — недействительны (43). Нет

никаких моральных препятствий принятию присяги Республике.

Что, с точки зрения Д. Ж. Дюри, лежит в основе падения монархии и установления республики? Божественное провидение, — пишет он, — пошатнуло основания монархии и лишило ее возможности обеспечить какую бы то ни было защиту и сохранность (*preservation*) каждому из жителей этой страны и дало такую возможность другой форме государства (44). Отсюда следует, что, согласно природе, суждениям сведущих людей, опыту христиан былых времен и нашим прошлым присягам, мы, по воле Божьей, должны тихо и мирно, оставаясь на своих местах и при своих занятиях (*callings*), жить под этим правлением и подчиняться ему в том, что требуют от нас власть предержащие. Это законно и необходимо для сохранения нас самих и других людей (45).

В такого рода положениях Дюри отчетливо проступают гоббсовская концепция самосохранения индивидуума (46), его трактовка назначения государства, облеченные в характерную для пуритан религиозную форму. Дюри нигде не упоминает имени мыслителя, хотя не исключено, что под «сведущими людьми» подразумевается именно Гоббс.

Энтони Эшем — один из наиболее глубоких мыслителей рассматриваемого направления. В его политических произведениях, изданных в 1649 году, идея подчинения существующей власти не выступает как самоцель, но логически следует из основных положений автора.

Выше уже отмечалось, что политические теоретики этого круга обращались, прежде всего, к рядовому человеку, гражданину. Более того, интересы этого человека, индивидуума, оказывались в основе их более или менее совершенных построений. Энтони Эшем продвинулся в этом направлении достаточно далеко. Что такое «народ»? — задается он вопросом в памфлете «Происхождение и цель гражданской власти». Общепринято, что народ — это «сорт людей похуже и поглубее». Между тем, народ — это «каждый отдельный человек внутри любой нации или королевства» (47), вне зависимости от его положения в обществе, сословия или богатства, вне разделения на «лучших», более знатных, и «низших», плебеев. Народ, состоящий из отдельных людей, — истинный источник всякой власти: Воля народа, воплощенная в общественном договоре, создает государство в любой из его форм. Мир и благоденствие народа — конечная и единственная — кроме славы Божьей — цель государства. Противно разуму

предположение, что люди могут отказаться от силы, которой они обладают, в пользу короля или правителя ради вреда и собственной гибели (48).

Памфлет Эшема был написан через два месяца после казни Карла I и содержит обоснование права народа, который есть источник всякой власти, избавиться от тирана. Его положения звучат вполне оптимистично. Иной характер носит трактат «О беспорядках и революциях власти, в котором исследуется, насколько человек может законно приспосабливаться к власти и указам тех, кто с различным успехом владеет королевствами, разделенными гражданскими и внешними войнами» (49). Работа была издана в дополненном варианте в том же 1649 году, но написана в 1648-м. Уже из названия видно, что речь в трактате идет о положении человека в смутное время, когда ни одна из сторон общественного конфликта не добилась прочной победы. Как в этой ситуации чувствует себя народ, этот источник всякой власти на земле? Ответ ясен — люди несут на себе все тяготы войны, испытывают жестокие лишения. Народ редко или вообще никогда не начинает войну, но оказывается втянутым в нее, когда она началась (50). Так было в древние времена, когда триумфы римлян скрывали ужасы войны, так было во времена войны Алой и Белой Розы, так и ныне: люди помимо своей воли оказываются вовлеченными в конфликт, и обе враждующие стороны требуют от них верности. Между тем, человеческая жизнь — это то, что можно однажды потерять, и ничто ее не вернет. Люди вступают в гражданское состояние ради обеспечения своего права на жизнь (51). Сама природа склонна больше к сохранению отдельного человека, чем «тела общественного». Поэтому в периоды гражданских войн человек должен ради сохранения своей жизни соблюдать лояльность к той стороне, которая побеждает, вне зависимости от причин и сути конфликта. Сопротивление опасно и даже вредит побежденным. Нужно платить налоги, как выкуп за свою жизнь. «Чтобы безопасно миновать полный опасностей лес, — пишет Эшем, — законно иногда облачиться в шкуры зверей, обитающих в этих лесах» (52). Таким образом, по Эшему, нельзя требовать от гражданина соблюдения каких-либо нравственных обязательств правителям, навязавшим ему противное самой человеческой природе состояние гражданской войны. Не из моральных побуждений подчиняются люди победившему в борьбе за власть, а в расчете на политическую стабильность и гражданский мир.

Еще более пессимистичные взгляды выражает Френсис Осборн в работе «Совет сыну», написанной тоже, казалось бы, в поддержку победившей революции (53). Интересы подданных и правителей оказываются совершенно различны. Подданные — это чужаки в собственной стране, и должны вести себя соответствующим образом. Всякая власть тиранична; тирания так же естественна для власти, как возмездие для молодежи (54). Вся мировая история исполнена жестокости и амбиций правителей, заливавших землю кровью. Исходя из этого, подданные должны оставаться глухи к призывам властей принести себя в жертву, в особенности, когда правитель уже смещен. Кровопролития, ужасов войны должен избегать всякий, если он не сошел с ума. Правителям следует оказывать повиновение, пока они обладают властью; судьба власти и подчинения едина, второе заканчивается вместе с первой. Они так далеко над нами, — пишет Осборн о правителях, — они превращаются в ничто для нас, когда теряют возможность себя поддерживать (55).

П. Загорин называет эту концепцию циничной, полагая, не без оснований, что Ф. Осборн, как и М. Нидхем, чужд истинного республиканизма (56).

Воздержимся от моральных оценок взглядов мыслителя, а также политических режимов, побеждавших ценой жизни тысяч граждан.

Подведем некоторые итоги. Английская политическая теория власти *de facto* 40-х—50-х гг. XVII века — явление внутренне неоднородное. На одном его крыле — М. Нидхем с непостоянством политических пристрастий и готовностью беспрепятственно признать любую власть не менее (хотя и не более) законной, чем все остальные. На другом — Э. Эшем и Ф. Осборн и трагическая необходимость человека подчиниться силе, неизмеримо превосходящей его собственную.

Великий теоретик Томас Гоббс привнес в европейскую политическую науку положение о незыблемости естественного права индивидуума. Отшлифованное столетиями, оно вошло в золотой фонд общечеловеческих ценностей. Однако, история утверждения принципов индивидуализма, ставших достоянием многих современников Гоббса, далеко не проста. Мыслители, воспринявшие идею естественного права человека на самосохранение, сразу же встретились с серьезным препятствием, каковым явилась английская политическая действительность середины XVII века. Гоббсовская идея естественного права логически сочеталась с идеей естествен-

ного закона, концепцией общественного договора и даже учением о суверенитете. Каким же образом могло осуществиться естественное право каждого рядового англичанина в годы гражданских войн 40-х гг.? Теория Гоббса не касалась такой конкретики. На этот вопрос попытались ответить мыслители, названные благодаря содержанию своих ответов теоретиками власти de facto. Им не удалось, подобно Гоббсу, пройти без потерь между воюющими армиями, т. к. эти армии переставали быть литературным образом — слишком громко стреляли пушки и лилась кровь. Не общественный договор «каждого с каждым» заключали равные от рождения люди — набирающий силу диктатор требовал поголовной присяги на верность. Удивительным в этой ситуации представляется не пессимизм и даже аполитичность Э. Эшема или Ф. Осборна, а их последовательная приверженность естественному праву человека, который — каждый в отдельности — и составляет понятие «народ».

1. Willms B. Der Weg des Leviathan: Die Hobbes — Forschung von 1968—1978. — B. — 1979. — 238 s. Garcia A. Thomas Hobbes: bibliographie internationale de 1620 a 1986. — Caen, 1986. Zagorin P. Hobbes in Our Mind//Journal of the History of Ideas. — 1990, vol. 51, № 2.
2. Strauss L. The Political Philosophy of Hobbes, its Basis and Genesis. — Oxford, Clarendon Press, 1936. XVIII. Macpherson C. B. The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke. — Oxford, Clarendon Press. — 1962. XI. Eccleshall R. Order and Reason in Politics. Theories of Absolute and Limited Monarchy in Early Modern England. — Oxford. — 1978, VI.
3. Hobbes T. Leviathan: or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil. — The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury. Now first collected and edited by sir William Molesworth. — V. III. London, 1839.
4. English Works, V. II; London, p. 9; V. IV, London, 1840, p. 83.
5. English Works, V. III, p. 116.
6. Ibid. — P. 117.
7. Ibidem.
8. English Works. — V. III. — P. 138.
9. См.: Немченко И. В. Томас Гоббс и Английская революция середины XVII века (к вопросу о ренессансном содержании политической системы Гоббса). Канд. дисс. — М., 1981.
10. English Works. — V. III. — P. 322.
11. Ibid. — P. 285.
12. Ibid. — P. 288; V. II. — P. 25; V. IV. — P. 103.
13. Ibid. — V. IV. — P. 83.
14. Ibid. — V. III. — P. 204.
15. Ibid. — P. 205.
16. Ibid. — P. 206.

17. Ibidem.
18. Ibid. — V. III. — P. 321.
19. Ibid. — V. III. — P. 159.
20. Hobbes Th. The Elements of Law, Natural and Politic. — English Work. — V. IV.
21. Hobbes Th. Philosophical Rudiments concerning Government and Society. — English Works. — V. II.
22. Skinner Q. Thomas Hobbes and His Disciples in France and England. — Comparative Studies in Society and History. — V. 8. — 1966. — № 2. Id. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought. — Historical Journal. — V. 9. — 1966. — № 3.
23. Одним из первых обратил внимание на этих мыслителей Перес Загорин (Zagorin P. A History of Political Thought in the English Revolution, посвятив им краткие разделы своей монографии. См. также Nedham M. The Case of Commonwealth of England//Ed. by Philip Knachel. — University Press of Virginia. — 1969. — Introduction.
- Coltman I. Private Men and Public Causes. Philosophy and Politics in the English Civil War. — London, 1962.
24. Nedham M. The Case of the Commonwealth of England Stated./Ed. Ph. A. Knachel — University Press of Virginia, 1969. Introduction. — P. XLI.
25. Подробно биография М. Нидхема см.: Dictionary of National Biographies.
26. Coltman I. Op. cit. — P. 198.
27. Ibid. — P. 121, 226.
28. Nedham M. The Case of Commonwealth. Introduction. — P. XIII.
29. Wallace J. The Engagement Controversy, 1649—52: An Annotated List of Pamphlets. — Bulletin of the New York Public Library. 1964. — P. 384—405.
30. Nedham M. The Case of Commonwealth of England, Stated. — P. 3.
31. Ibid. — P. 10.
32. Ibid. — P. 13.
33. Ibid. — P. 8.
34. Ibid. — P. 25—27.
35. Ibid. — P. 38.
36. Ibid. — P. 28.
37. Ibid. — P. 38.
38. Ibid. — P. 29.
39. Ibid. — P. 50.
40. Ibid. — P. 31.
41. Ibid. — P. 36.
42. Dury J. Just Re-proposals to Humble Proposals. — London, 1650. Id. Two Treatises Concerning the Matter of the Engagement. The second of Mr. Dureus maintaining the satisfactoriness of his considerations against the Unknown Authors exceptions. — London, 1650.
43. Dury J. Just Re-proposals. — P. 15.
44. Ibid. — P. 10.
45. Ibidem.
46. Роббс употребляет термины «self-preservation», Дюри — «preservation of ourselves and others».
47. Ascham A. The Original and End of Civil Power. — London, 1649. — Complaint and Reform in England 1436—1714. — N. Y. — 1938. — P. 645.

48. Ibid. — P. 654.

49. Ascham A. Of the Confusions and Revolutions of Governments Wherein is examined How farre a man may Lawfully conforme to the Powers and Commands of those who with various successes hold Kingdomes divided by Civill or Forraigne Warrs. — London, 1649.

50. Ibid. Preface.

51. Ibid. — P. 49.

52. Ibid. — P. 67.

53. Coltman I. Private Men and Public Causes. — P. 226.

54. Ibid. — P. 227.

55. Ibidem.

56. Zagorin P. Op. cit. — P. 130.

О. Б. ДЬОМІН

**«НІДЕРЛАНДСЬКЕ ПИТАННЯ»
В ЄВРОПЕЙСЬКІЙ ПОЛІТИЦІ АНГЛІЇ
(1576—1585 pp.)**

4 листопада 1576 р., неділя, стала для м. Антверпена, одного з найбільш значних європейських міст, центра світової торгівлі та фінансів того часу, днем «іспанського шаленства». Серед дня іспанські загони вийшли з цитаделі і захопили місто. У вогні, який охопив кращу частину Антверпена та під ударами іспанської зброї загинуло більше 7 тисяч чоловік. Цинність нагробованного досягнула 2 мільона флоринів, не рахуючи дорожності та товари купців.

Ця подія набула загальноєвропейського значення і багато в чому визначила політику Англії на континенті впродовж майже десятиріччя. Історики, що займались питанням елізаветинської зовнішньої політики відзначали важливість «нідерландського питання» в континентальній дипломатії Англії 1576—1585 pp. Але відносно її характеру, етапів, методів втілення в життя в сучасній історіографії існують розбіжності. Традиційно зберігається «конфесійна» концепція, що вбачає в політиці Англії послідовну підтримку принципів Реформації, внаслідок чого Англія втручалась в події в Нідерландах (Р. Лок'єр, У. МакКафрі). З точки зору інших істориків, таких як Д. Блек, А. Рауз, П. Кроусон союз Англії з нідерландськими повстанцями обумовлювався династійними інтересами Тюдорів та національними інтересами англійської держави. Частина сучасних істориків (К. Рід, С. Біндофф, Р. Уеріхам, Ч. Уільсон, Д. Паркер) поєднують ці дві концепції, вбачаючи в політиці Англії відносно континентальних справ сукупність релігійних та національних мотивів (1). В радянській історіографії в працях А. М. Чистозвонова, написаних в часи боротьби з «космополітизмом», це питання розглядалось як англо-французька інтервенція, спрямована на придушення революційного руху шародних мас Нідерландів (2).